

УДК 327:620.9

А.М. Мастепанов¹

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: НЕКОТОРЫЕ ОЦЕНКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируется воздействие геополитического фактора и большой политики на энергетическую политику России, ЕС, США и ведущих стран Северо-Восточной Азии, рассматриваются вопросы их энергетического взаимодействия и сотрудничества. Показана роль научно-технологического развития и новых технологий в развитии этих процессов. Обосновывается необходимость ускоренной диверсификации экспортных потоков российского углеводородного сырья и опережающего комплексного развития производительных сил на востоке страны. Показано, что и в новых геополитических условиях взаимовыгодное энергетическое сотрудничество остается магистральным путем решения энергетических проблем и обеспечения энергетической безопасности как наших зарубежных партнеров, так и самой России.

Ключевые слова: энергетическая политика, энергетическая стратегия, геополитический фактор, глобализация, санкции, крупные энергетические проекты, энергетический диалог, новые технологии, нефтегазовый комплекс, энергетическое сотрудничество, Россия, ЕС, США, Китай, Корея, Япония, Северо-Восточная Азия.

События последнего времени еще раз показали, что геополитические факторы в условиях глобализации и бурного развития новых технологий не только не утратили своего влияния на развитие энергетики, но и, пожалуй, в какой-то мере даже стали определяющими. Под их воздействием формируется новая архитектура мировой экономики и международных отношений, начинается возврат к политике баланса сил и силового давления.

«Цветные революции» и локальные войны, государственные перевороты и различные экономические и политические санкции формируют «лицо» современного энергетического мира, определяют состояние региональных и глобальных энергетических рынков и судьбу крупнейших энергетических проектов. Причем развитие техники, технологий, в том числе информационных, дополнило и усилило возможности и действенность подобных политических и геополитических факторов. Как мы уже отмечали [1], энергетика в очередной раз стала заложником политики: политических амбиций, ложных целей и конъюнктурных решений. И в этих условиях энергетике будет все труднее и труднее выполнять свою основную задачу – бесперебойно,

надежно и эффективно обеспечивать потребителей топливом и энергией.

Естественно, что в полной мере все эти изменения затронули и Россию, претендующую (справедливо или нет – это уже другой вопрос) на роль и статус великой энергетической державы (энергетической сверхдержавы). Исторические и экономические особенности развития нашей страны, незаконченность экономических реформ и уже ставшая традиционной для страны экспортно-сырьевая модель экономики при неразвитости современных политических и гражданских институтов, делают зависимость российской энергетики от геополитики особенно болезненной.

В новых геополитических реалиях большая политика стала определять вектор энергетического сотрудничества, а вернее – энергетических взаимоотношений России, практически по всем направлениям, особенно на Западе (с *Европейским союзом и США*) и на Востоке (с *Китаем, Японией и другими странами СВА*).

Особенно это видно во *взаимоотношениях между Россией и ЕС*, которые традиционно выступали и выступают взаимозависимыми партнерами в области энергетики, а их экономики

¹ Алексей Михайлович Мастепанов – заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН, член Совета директоров Института энергетической стратегии, д.э.н., академик РАЕН, e-mail: amastepanov@mail.ru

фактически уже интегрировались друг в друга [2]. Поэтому устойчивые, надежные, предсказуемые, основанные на взаимном доверии отношения между Россией и ЕС в сфере энергетики являются важнейшим условием обеспечения энергетической безопасности Европы. На их выстраивание ушли многие годы кропотливой работы с каждой из сторон. Был предложен и реализован уникальный механизм поиска взаимоприемлемых решений – Энергетический диалог РФ-ЕС, который с первых же дней стал важным инструментом обеспечения энергобезопасности на европейском континенте при соблюдении жизненно важных интересов как потребителей энергоресурсов (стран ЕС), так и их производителей и экспортеров (России). Однако все последние годы работа Энергетического диалога проходила в достаточно сложных условиях, поскольку уже в середине первого десятилетия 2000-х гг. в позиции ЕС по вопросам обеспечения энергетической безопасности четко обозначилась двойственность и непоследовательность подхода к России. С одной стороны, Европейский союз критиковал Россию за ее неспособность полностью удовлетворить растущий спрос на топливо и энергию в Европе, но с другой – стремился ограничить доступ российских энергоносителей на европейский рынок [3].

Последовавшие затем российско-украинские газовые войны (начала 2006 г., 2009-2009 гг. и др.) не только серьезно подорвали авторитет России как надежного экспортера энергоресурсов в Европу, но и привели к осознанию последней своей газовой зависимости от России, а также к попыткам преодоления этой зависимости².

Исходя из своего понимания возможностей обеспечения энергетической безопасности, ЕС направил свои усилия на поиск альтернативных внешних источников поставок энергоресурсов и диверсификацию поставок и маршрутов, в частности маршрутов нефти и газа. Российская Федерация также приняла ряд мер по диверсификации направлений поставок своих энергоресурсов. Вслед за чередой политических заявлений последовали и практические меры в

этой области. Еще в апреле 2004 г. ЕС принял Директиву 2004/67/ЕС о мерах по обеспечению безопасности поставок природного газа. В декабре 2006 г. Еврокомиссия призвала страны ЕС укрепить связи со странами к югу и востоку от Европы, которые играют ключевую роль в будущих поставках энергоносителей на европейский рынок.

В марте 2007 г. ЕС провозглашает курс на «интенсификацию связей с Центральной Азией, Каспийским и Черноморским регионами с целью дальнейшей диверсификации источников и путей транспортировки энергоносителей». А затем идет и Третий энергетический пакет (Third Energy Package – ТЕР), принятый Европейским парламентом 13 июля 2009 г. и вступивший в силу 4 сентября 2009 году.

При всем при этом ни в коем случае нельзя утверждать, что отмеченные действия Евросоюза направлены исключительно на злокозненное причинение вреда внешним поставщикам природного газа, прежде всего – России. В принципе, логика Еврокомиссии иная – либерализовать единый газовый рынок Евросоюза, придать ему необходимую гибкость и конкурентоспособность. Однако в силу однобокого понимания энергетической безопасности как безопасности потребителей энергоресурсов, эти меры имели своим следствием серьезное обострение взаимоотношений между Россией и Евросоюзом.

Геополитическое несовпадение, а временами и расхождение интересов и целей ЕС и России, усилилось в процессе изменений политической и экономической конструкции ЕС. Накопившаяся усталость, взаимное недопонимание целей другой стороны и разочарование в мерах по их достижению, снижение доверия друг к другу до критического уровня и нередкие взаимоисключающие выводы из анализа развивающихся ситуаций стало все больше и больше сказываться на энергетических отношениях между ними.

В 2014-2015 гг. воздействие большой политики на российско-европейское энергетическое сотрудничество достигло апогея и резко усилилось по самым разным каналам: и через взаи-

² С подобным подходом ЕС автор встречался еще в 1990-е годы, и особенно в 2001 г., работая в Минэнерго РФ, когда мы только начинали Энергетический диалог Россия-Евросоюз. Подробнее см. [3], раздел 3.2.1.

³ Детальное рассмотрение причин этого конфликта и других проблем в газовых взаимоотношениях между Россией и ЕС не входит в круг задач этой статьи. Отметим лишь, что свою долю ответственности за них несут обе стороны. Подробнее вопросы европейской энергобезопасности и их место в обеспечении России рассмотрены нами в [3, 4].

моотношения лидеров государств, и через анти-российские санкции США, ЕС и их союзников, и через фактическое блокирование Евросоюзом проекта «Южный поток» и демонстративное перенаправление Россией предназначенных Европе газовых ресурсов в Турцию [1]. В результате ЭнергодIALOG заморожен. Последнее, 8-е, заседание Постоянного совета партнерства России и Европейского союза по энергетике состоялось уже больше года назад (7 января 2014 г.).

Что дальше? Какой в новых условиях должна быть роль ЭнергодIALOGа РФ-ЕС? Вот ответ на эти вопросы известного управленца-энергетика, одного из основателей «Club de Nice. Energie et Geopolitique» (Клуба Ниццы «Энергетика и геополитика»), а ныне председателя фонда «София-Антиполис»⁴ Д. Фаша: «Европейский союз должен, во-первых, иметь какую-то единую энергетическую политику, которой сегодня нет. Во-вторых, интересы Европы отличаются от американских интересов. Надо выйти из старого формата энергодIALOGа и создать новый, который даст возможность обсуждать новые проблемы энергетической безопасности, особенно при глубоких потрясениях энергетического мира. Во всяком случае, без России не обойтись, чтобы создавать долгосрочное сотрудничество для европейских потребителей» [5].

Солидарны с подобной точкой зрения и некоторые ведущие европейские политики. Так, премьер-министр Венгрии В. Орбан на пресс-конференции по итогам переговоров с Президентом РФ В.В. Путиным 17 февраля 2015 г. заявил: «Мы уверены, что изоляция России из Европы нецелесообразна, безопасность этого региона нельзя создать против России, мы эту безопасность можем создать только в сотрудничестве с Россией. Поэтому мы считаем, что надо вести переговоры». И добавил, отвечая на вопросы журналистов: «Давайте не будем ничего скрывать, есть такие мысли и такие планы в Европе: некоторые представляют себе или думают, что без России можно гарантировать энергетическую безопасность и энергетический рынок в Европе. Есть такие, которые думают, что это

возможно, которые не хотят Россию вовлекать в конкурентную борьбу, а мы считаем – это было бы хорошо, хотят ее оттеснить, вытеснить из Европы. Но тот, кто считает, что европейская экономика или Европа будет конкурентоспособной без сотрудничества с Россией, и тот, кто думает, что в Европе можно гарантировать энергетическую безопасность без энергоносителей, поступающих из России, тот лелеет иллюзии. Они не имеют под собой никакого основания» [7].

Конечно же, и в новых геополитических условиях взаимовыгодное энергетическое сотрудничество остается магистральным путем решения проблем и обеспечения европейской энергетической безопасности, и экономического развития России. Поэтому особенно актуально звучат слова Президента России, сказанные на пресс-конференции по итогам его переговоров с премьер-министром Венгрии В. Орбаном 17 февраля 2015 г.: «... мы призываем к серьезному, долгосрочному партнерству – так, как это было в предыдущие многие годы. Россия всегда была очень надежным партнером, таким и будет оставаться в будущем» [7].

Однако следует согласиться и с известным экономистом, политологом, деканом факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики и почетным председателем Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) С.А. Карагановым в его оценке предстоящих действий⁵: «Но в любом случае складывать все яйца в европейскую корзину уже нельзя. Поэтому параллельно с попытками договориться на Западе нужно удешевить усилия по новому освоению Сибири, по выстраиванию новой азиатской экономической и политической дипломатии, по активизации ШОС, интеграции его с ЕврАзЭС, ОДКБ, с китайской идеей «нового шелкового пути» (к чему Пекин вроде бы склоняется), с южнокорейской идеей «евразийского сообщества», со сближением с будущим лидером Средней и Центральной Азии – Ираном. Такой поворот будет нелегким для российской европоцентричной элиты. Но попытка интеграции с Западом пока не удалась.

⁴ Фонд «София-Антиполис» – французский технополис, являющийся сегодня не только научным и бизнес-ядром Франции, но и центром объединения научных парков по всему миру в рамках IASP – Международной ассоциации технопарков. Сегодня в технопарке расположены офисы и штаб-квартиры крупных технологических компаний, в числе которых Hewlett-Packard, Air France, Hitachi, IBM, France Telecom, Honeywell и др. [6].

⁵ Считаем необходимым привести такую развернутую цитату, поскольку полностью согласны с тем, о чем в ней сказано.

Отказываться от Европы, от своих европейских корней опасно для русской идентичности, для развития России. Но не использовать образующиеся на Востоке возможности бесхозьяственно и опасно» [8].

Что касается энергетических *взаимоотношений России с США*, то они определяются в первую очередь политикой Соединенных Штатов, в которой энергетическая безопасность ассоциируется, прежде всего, с достижением возможно более высокой степени самообеспеченности энергоресурсами, ростом энергоэффективности экономики, освоением нетрадиционных видов энергии и увеличением стратегических нефтяных резервов. Эти стратегические направления практически не меняются в течение всех последних десятилетий. Но средства достижения этих целей меняются.

Так, еще в 1990-х гг. – начале 2000-х гг. США активно искали внешних партнеров в сфере энергетической политики. И Россия казалась им одним из таких основных партнеров. Россия нуждалась в американских технологиях, инвестициях, опыте менеджмента, а США – в российских энергоресурсах, особенно нефти и газе, российских рынках сбыта для продукции американских производителей. И в эти годы сотрудничество стремительно развивалось. В 1990-е гг. американские компании принимали самое активное участие в реализации крупных инвестиционных нефтегазовых проектов на территории России («Сахалин-1», «Сахалин-2», КТК и др.). Американское правительство оказывало этим проектам всяческую политическую поддержку и считало их приоритетными. Непосредственно продвижением этих проектов занималась Комиссия Гор-Черномырдин. Дальше – больше. В мае 2001 г. состоялся саммит Президентов США и Российской Федерации, одним из результатов которого стала инициатива формирования Энергетического диалога РФ-США, который был призван содействовать коммерческому сотрудничеству в энергетическом секторе, увеличивая взаимодействие между соответствующими компаниями двух стран в области разведки, производства, переработки, транспортировки и сбыта энергоносителей, а также в

реализации совместных проектов, в том числе в третьих странах. В том же, 2001, году была опубликована и Белая книга «Партнерство США и России: Новые времена, новые возможности», в которой излагалась позиция Конгресса США относительно энергетического сотрудничества с Россией. В этом документе прямо указывалось, что приоритетным направлением внешней политики США должно стать развитие российско-американского энергетического сотрудничества, поскольку, таким образом, США могут «уберечь себя от рисков неопределенности поставок энергоносителей и ненужной зависимости» [9].

Однако технологическое развитие, новые технологические прорывы буквально в одно десятилетие кардинально изменили ситуацию. И с разворачиванием «сланцевой революции» эта активность российско-американских отношений стала снижаться, началось фактическое свертывание российско-американского энергетического диалога.

Анализируя эти процессы, мы еще в начале 2013 г. отмечали, что «сланцевая революция» действительно подорвала энергетический интерес США к России» [3, с. 714]. Кроме того, «вполне вероятно, что в перспективе США не только еще больше снизят свою активность в части поисков путей обеспечения глобальной энергетической безопасности, поскольку действительно на долгие годы станут энергодостаточной державой и крупнейшим экспортером энергетических технологий, но и встанут на путь ее подрыва» [3, с. 661].

События последних двух лет полностью подтвердили наши выводы. Более того, отсутствие необходимости в энергетическом сотрудничестве и в развитии энергетических взаимоотношений с Россией стало дополнительным фактором, провоцирующим и подталкивающим правящую элиту США к обострению отношений с нашей страной по всем возможным направлениям⁶.

Что касается *восточного вектора российской энергетической политики*, то ситуация здесь иная. Значительный потенциал в области взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества, основанного на взаи-

⁶ Развернутый анализ причин нынешней конфронтации как в российско-американских, так и в российско-европейских взаимоотношениях дан в одной из последних работ С.А. Караганова [10].

модополняемости экономик, имеется в отношениях России со многими государствами АТР, особенно Северо-Восточной Азии. Одни страны региона богаты энергетическими, минерально-сырьевыми и другими природными ресурсами, другие – обладают самыми передовыми технологиями, третьи – огромными трудовыми ресурсами. А в целом регион СВА представляет собой практически безграничный рынок энергетических товаров и услуг. Однако потенциал подобного сотрудничества далек от эффективного использования.

О необходимости диверсификации экспортных поставок нефти и газа с формированием нового, восточного, направления только в современной России говорится уже более 20 лет. Соответствующие задачи ставились и в проекте Государственной комплексной топливно-энергетической программы РФ на период до 2010 г., более известной как Энергетическая стратегия России на соответствующий период, подготовленной Межведомственной комиссией в I кв. 1995 г. (одобрена постановлением Правительства РФ № 1006 от 13.10.95 г. [11]), и в Энергетической стратегии Сибири, подготовленной в 1997-1998 гг. Минтопэнерго России, Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение» и Сибирским отделением РАН [12], и в Энергетической стратегии России на период до 2020 года, утвержденной Правительством РФ 28 августа 2003 г. распоряжением № 1234-р. [13].

Но реальные шаги в реализации этих программных задач (создание нефтепроводной системы ВСТО и нефтеэкспортных терминалов в Приморье, строительство ГТС «Сила Сибири» и др.) стали делать не в благоприятных условиях начала 2000-х гг., а лишь в последнее время⁷, хотя ущербность односторонней ориентации на европейский рынок энергоресурсов была видна давным-давно.

Характеризуя эти процессы, С.А. Караганов пишет: «Во многом из-за евроцентризма, а еще – из-за экономической разрухи и разрухи в головах в 1990-е гг., Россия пропустила первые волны экономического роста новой Азии, предоставлявшего и продолжающего предоставлять огромные возможности развития в первую очередь для Восточной Сибири и Дальнего Восто-

ка. А саму Сибирь продолжала рассматривать как довесок иногда даже досадный и обременительный к европейской России» [14]. И добавляет: «Долговременное, хотя в перспективе, надемся, и не такое острое, как ныне, ухудшение отношений с Западом, необходимость перестройки во многом уродливой, сложившейся в годы развала и хаотического восстановления структуры внешнеэкономических отношений делает еще более необходимым частичный экономический разворот на Восток. Он начался, но его нужно развивать» [15].

Да, сейчас первые шаги на Востоке России сделаны. Но за ними сразу же должны последовать и следующие. Так, в газовой отрасли – это создание Единой системы газоснабжения Востока России (ЕСГ ВР), в которой строительство ГТС «Сила Сибири» в нынешней конфигурации является лишь первоочередным (хотя и важнейшим) звеном. Само же наличие ЕСГ ВР даст возможность подключать к ней не только более мелкие газовые и нефтегазоконденсатные месторождения Восточной Сибири и Дальнего Востока, но и попутный газ нефтяных месторождений этих регионов, сформировать вокруг нее целый ряд нефтегазохимических комплексов, производств и предприятий. И в эту работу могут (и должны!) быть включены не только основные российские нефтегазовые и нефтегазохимические компании («Газпром», «Роснефть», «Сургутнефтегаз», СИБУР и др.), но и соответствующие зарубежные компании и структуры.

Некоторые из этих шагов прописаны в проекте Энергетической стратегии России на период до 2035 года (ЭС-2035), который в прошлом году был подготовлен Минэнерго России [16]. В частности, в нем сформулированы следующие стратегические инициативы развития отечественного ТЭК в части нефтегазового комплекса на востоке страны:

- формирование нефтегазовых комплексов с развитием производственной, транспортной и социальной инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке;
- создание в восточных районах инфраструктуры, обеспечивающей порядка 20-25% общей добычи и 40% экспорта;

⁷ Строительство первой очереди ВСТО (ВСТО-1) началось только в апреле 2006 г., а работы по строительству ВСТО-2 – в 2010 году.

- создание в восточных районах инфраструктуры, обеспечивающей 15-20% общей добычи и 35-40% экспорта газа;
- расширение Единой газоснабжающей системы до Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Реализация этих инициатив позволила бы решить многие задачи, связанные как с собственно диверсификацией экспортных потоков углеводородного сырья, так и с комплексным развитием производительных сил на востоке страны.

Особое внимание в проекте ЭС-2035 уделено развитию нефтегазовой отрасли и инфраструктуры на Дальнем Востоке России.

В части нефтегазового комплекса это, прежде всего:

- освоение нефтегазовых месторождений на шельфе Сахалина и нефтяных – в Республике Саха (Якутия) (Талаканского и прилегающих к нему);
- продолжение реализации проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2»;
- строительство нефтеперерабатывающего завода в Приморском крае;
- модернизация нефтеналивных терминалов в Находке и Де-Кастри;
- формирование Якутского газового центра (на базе Чаяндынского месторождения с перспективой освоения соседних месторождений – Среднеботуобинского, Таас-Юряхского, Верхневиллючанского и других);
- строительство новых заводов по производству СПГ во Владивостоке и на Сахалине;
- создание Восточной газотранспортной системы для поставок якутского, сахалинского и иркутского газа в районы Дальнего Востока и на экспорт. Завершение строительства газопровода «Сила Сибири»;
- газификация юга ДФО на основе сахалинского газа.

В части глубокой переработки нефти и газа – это формирование нефтегазохимических кластеров, крупных газоперерабатывающих комплексов и газохимических производств, в том числе в п. Белогорье в Амурской области.

В развитие этих положений можно отметить следующее. При соответствующих усилиях и условиях, ЕСГ ВР может стать основой формирования сразу **двух систем** или совокупностей **нефтегазохимических кластеров: Восточно-Сибирской и Дальневосточной** (рис. 1). Каждая такая система будет представлять собой комплекс проектов по развитию в регионе мощностей по глубокой переработке нефти, созданию мощностей по переработке газа и нефтегазохимии, включая производство конечной нефтегазохимической продукции, с достижением максимальной доли добавленной стоимости. Исходя из ресурсных возможностей региона, считаем возможным **формирование в рамках Восточно-Сибирской системы**, на базе успешного сочетания новых и уже освоенных технологий, *Иркутского (Ангарско-Саянского), Северо-Иркутского и Красноярского (Богучанско-Канского)* кластеров. В состав **Дальневосточной системы** нефтегазохимических кластеров могли бы войти *Хабаровский, Амурский, Приморский* и, возможно, *Якутский* кластеры. Основу каждого из этих кластеров будут составлять базовые крупнотоннажные нефтегазоперерабатывающие и нефтегазохимические производства, которые будут дополняться рядом крупных, средних и мелких предприятий, принадлежащих российскому и/или зарубежному капиталу, по производству отдельных видов готовой продукции и/или полуфабрикатов более высокого уровня переработки. Интерес к созданию подобных предприятий проявляют многие зарубежные компании, в частности, японские и корейские [17].

Некоторые перспективы развития российско-китайского газового сотрудничества по итогам уже подписанных документов с «Газпромом», «НОВАТЭКом» и «Роснефтью» показаны на рис. 2⁸. Их реализация создает прочную базу диверсификации наших экспортных поставок газа и ликвидации зависимости от европейского рынка газа. На эту диверсификацию «играют» и переговоры с другими странами АТР, в том числе с Республикой Корея и Японией, которые также начались не вчера, и имеют свою уже достаточно долгую историю.

⁸ Подробнее см., например, [18].

Рис. 1. ГТС «Сила Сибири», перспективы ее развития и возможная схема формирования нефтегазохимических кластеров на Востоке России

Рис. 2. Перспективы развития российско-китайского газового сотрудничества

В частности, в новых условиях следует активизировать усилия на развитие газового сотрудничества с Республикой Корея. Как отмечено в официальных материалах «Газпрома», производительность ГТС «Сила Сибири» составит 38 млрд м³ газа в год, как это и записано в контракте с Китаем. При такой производительности мощности одной стандартной трубы будет мало, а двух – много. Соответственно, потребуется строительство большого числа лупингов. Да и оптимальные добычные возможности Чаяндинского и Ковыктинского месторождений существенно больше. Но для выхода на них нужны потребители газа, нужен рынок сбыта. Поэтому считаем целесообразным вернуться к вопросу о поставках трубопроводного газа в Республику Корея, но не через КНДР, как это предполагалось ранее⁹, а транзитом через Северо-Восточный Китай и Желтое море в объеме 12-15 млрд м³ в год. При соответствующих договоренностях с Р. Корея и КНР это позволило бы сразу строить двухниточную ГТС и проектировать оптимальные уровни добычи газа.

Подобная диверсификация экспортных потоков нефти и газа имеет по крайней мере два важнейших геополитических следствия.

Первое – это создание топливно-энергетической и сырьевой базы для ускоренного (опережающего) социально-экономического развития Востока России, в котором нефтегазовые проекты могут (и должны!) сыграть роль основного инструмента (способа, драйвера, средства...) достижения поставленных целей. Используя потенциал ресурсодобывающих отраслей и отечественной науки, нефтегазовые проекты создадут потребность в инновациях и новых технологиях, и потянут за собой ускоренный рост перерабатывающих отраслей. Этот рост послужит базисом

для последующего роста комплекса обрабатывающих отраслей, особенно машиностроения, и увеличения масштабов производства конечной продукции, восстановления и развития производственной инфраструктуры^{10, 11}.

Второе – это обеспечение энергетической безопасности Северо-Восточной Азии и АТР в целом. Совместные инвестиции в энергетические проекты на территории России и долгосрочные контракты для обеспечения надежных и стабильных поставок углеводородов из РФ в страны СВА могут стать реальным инструментом повышения энергетической безопасности региона на длительную перспективу. В частности, реализация масштабных трубопроводных проектов, начинающихся в России, способствовала бы обеспечению потребителей во всем регионе СВА (в особенности – промышленных компаний) энергией по доступным ценам для повышения их конкурентоспособности с компаниями Северной Америки. Диверсификация источников импорта энергоносителей за счет поставок из России гарантировала бы надежность и безопасность энергообеспечения региона. Даже частичное замещение угля природным газом в энергетическом балансе государств СВА обеспечило бы повышение трансграничной экологической безопасности, что актуально, например, и для улучшения качества природной среды в расположенных у границ с КНР российских регионах. Успешная реализация такого рода долгосрочных энергетических проектов с российским участием способствовала бы в перспективе интеграции государств СВА в единое экономическое пространство и, как следствие, укреплению позиций России не только в СВА, но и во всем АТР.

⁹ Проекту поставок газа по магистральному газопроводу на Корейский полуостров (через территорию КНДР в Республику Корея) российская сторона традиционно отдавала предпочтение, так как он позволил бы укрепить не только энергетическую, но и военно-политическую безопасность на Корейском полуострове. Кроме того, проект трубопроводных поставок газа требовал существенно меньших капитальных и операционных затрат, чем организация поставок того же количества СПГ. Главный его минус – высокие политические риски, связанные с ситуацией на полуострове, которые в конечном счете и определили его судьбу.

¹⁰ Ресурсы, в частности – минерально-сырьевая база нефтегазового комплекса, являются естественным конкурентным преимуществом национального хозяйства и промышленного сектора России, донором российской экономики, обеспечивающим ее развитие и переход на новый технологический уклад. Подробнее о возможностях подобного ресурсно-инновационного направления развития российской экономики см., например, [19, 20].

¹¹ Основные моменты интегрированной стратегии развития Сибири, Центральной Евразии и Дальнего Востока России совместно с азиатскими партнерами (с некоторыми конкретными предложениями «что делать») изложены в уже упоминавшейся работе С.А. Караганова «Поворот на Восток: итоги и задачи». В ней же автор обещает, что: «Эти и другие идеи мы с десятком коллег представим в разработанном виде через два месяца в третьем докладе Валдайского клуба из серии «К Великому океану»».

Однако подобные возможности, на наш взгляд, не будут существовать вечно. Развитие науки и новых технологий, в том числе связанных с добычей метана из газогидратных залежей¹², может закрыть подобное «окно возможностей». Поэтому необходимо активизировать соответствующую деятельность по развитию нефтегазового комплекса на востоке страны, тем более, что сложившаяся геополитическая ситуация как бы сама подталкивает Россию к этому.

Казалось бы, что сложившаяся в настоящее время внешнеполитическая ситуация вокруг России, включая экономические санкции, не способствует выдвиганию нашей страной каких-бы то ни было инициатив, направленных на обеспечение глобальной энергетической безопасности или же энергетической безопасности такого региона, как СВА. Тем не менее мы считаем возможным предложить для обсуждения нашим зарубежным партнерам из стран СВА такие вопросы, как разработка ряда рамочных международных соглашений, которые регулировали бы заключение контрактов на поставку энергоносителей с учетом специфики отдельных стран. В качестве одного из принципов, закладываемых в основу документов такого рода, должна фигурировать гарантия свободного транзита энергоносителей газа по магистральным системам через территории стран-подписантов. Далее имеет смысл закрепить на договорном уровне транспарентность функционирования энергетического сектора при строгом соблюдении коммерческой тайны. Необходимо нормативно закрепить единообразные правила формирования тарифов на энергоносители и принцип государственного регулирования этих тарифов с исчерпывающим перечислением оснований. Для обеспечения устойчивости и предсказуемости энергетического рынка в СВА Россия могла бы инициировать и создание в регионе стратегических запасов нефти и газа. Наконец, необходимо на международно-правовом уровне гарантировать соблюдение единых для всех экологических норм и стандартов безопасности.

Требуется на межгосударственном уровне и в рамках «народной дипломатии» активизи-

ровать обсуждение и таких достаточно традиционных вопросов: положения о поощрении и защите инвестиций в энергетическом секторе; развития международной торговли и транзита энергоресурсов; защиты окружающей среды; запрета любой стороне дискриминации по признаку формы собственности (государственная/частная) в отношении компаний других сторон, осуществляющих свою деятельность на ее территории, не препятствуя в то же время стороне назначать или поддерживать государственные или частные монополии в соответствии со своим законодательством, и др.

И последнее, что хотелось бы отметить в этой статье. Возросшая роль геополитических факторов и в развитии мировой энергетики в целом, и в реализации крупных энергетических проектов, требует, как никогда, наличия долгосрочной энергетической политики, действенной энергетической стратегии государства. К сожалению, и в этой области России похвастаться нечем. Конечно же, соответствующие государственные документы в стране периодически принимаются (и Указы Президента РФ, и новые редакции Энергетической стратегии, и др.). Но реальной долгосрочной энергетической политики, реальной энергетической стратегии как не было, так и нет. Как нам приходилось писать еще в 2002 г., «если есть политика, то может быть и стратегия. Но если политики, как таковой, особенно долгосрочной, перспективной, нет, если решения в той или иной области принимаются спонтанно, исходя из конъюнктурных соображений (независимо от того, чем и какой конъюнктурой они вызваны), то и стратегия, даже если и появится что-то под таким названием, не поможет – она просто не будет выполняться. Что, кстати, и происходило в России в 90-е годы прошлого века» [22]. К сожалению, за истекшие 12 лет ситуация в этой области изменилась мало.

Более того, в руководстве многих федеральных органов власти и энергетических компаний так и не сложилось четкое понимание, а что же это такое – «энергетическая стратегия»? Причем, практически каждая новая генерация «эффективных менеджеров» (а сменяются они до-

¹² Подробнее о газогидратах и возможности их вовлечения в мировой энергетический баланс см. в [21].

статочко часто), не озаботившись понять даже смысл этого термина, с энергией, достойной лучшего применения, начинает огульно критиковать все то, что было сделано до них в этой области. Идут бурные дискуссии, выдвигаются новые, еще более «красивые», «правильные» и радужные лозунги, но фактически продолжается все то же топтание на месте.

А ключевые решения в энергетической сфере как принимались, так и принимаются исходя из текущей ситуации и ее понимания лицами, принимающими эти решения. И пока подобная практика будет продолжаться, России будут угрожать не только различные санкции, эмбарго и тому подобные внешние вызовы, но практически любые действия ее внешних партнеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мастепанов А.М. Инновационное развитие в условиях санкций – некоторые размышления об энергополитике, настоящем и будущем российской энергетики // *Энергетическая политика*. Вып. 6, 2014. С. 39-45.
2. Вступительное слово Министра энергетики РФ С.И. Шматко на юбилейной конференции Энергодialoga России-ЕС. Обобщающий доклад. Брюссель. URL: <http://minenergo.gov.ru/press/doklady/5670.html>.
3. Ресурсно-инновационное развитие России / под ред. А.М. Мастепанова и Н.И. Комкова. М.: Институт компьютерных исследований, 2013, 736 с.
4. Энергетика и геополитика / под ред. В.В. Костоюка и А.А. Макарова. М.: Наука, 2011, 397 с.
5. Энергетика и геополитика. Интервью с Домиником Фашем // *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. № 1, 2015. С. 5-6.
6. URL: <http://www.academy.vc/speakers/dominikfash.html>.
7. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-венгерских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/47706>.
8. Караганов С.А. Долгая конфронтация // *Известия*. 4.09.2014 г. URL: <http://karaganov.ru>.
9. Партнерство между США и Россией. Новые времена. Новые начинания / под ред. К. Уэллсона, пер. на русс. American Foreign Policy Council. Washington, D.C.: Franklin's Printing Company, 2003.
10. Караганов С.А. Переломный год: предварительные итоги // *Россия в глобальной политике*. № 6, 2014. URL: <http://karaganov.ru>.
11. Энергетическая стратегия России на период до 2010 года. Основные положения. (Одобрены постановлением Правительства РФ № 1006 от 13.10.95 г.) / в сб. «Энергетика России». 1920-2020 гг.: в 4-х т. Т. 2: Энергетическая политика на рубеже веков. М.: Энергия, 2008. С. 416.
12. Энергетическая стратегия Сибири (основные положения). Приложение к журналу «Энергетическая политика». М.: ВНИИОЭНГ, 1998, 88 с.
13. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. (Утверждена решением Правительства РФ № 1234 от 28.08.2003 г.) / в сб. *Энергетика России. 1920-2020 гг.: в 4-х т. Т. 2: Энергетическая политика на рубеже веков*. М.: Энергия, 2008. С. 913-914.
14. Караганов С.А. Вперед к Великому океану // *РГ (Федеральный выпуск)* № 6464 от 26.08.2014 г. URL: <http://karaganov.ru>.
15. Караганов С.А. Поворот на Восток: итоги и задачи // *РГ (Федеральный выпуск)* № 6595(24) от 06.02.2015 г. URL: <http://karaganov.ru>.
16. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года. Проект. URL: <http://www.minenergo.gov.ru/upload/iblock/665/665a6512e64ffd5e3d30d9448d7b77fff.pdf>.
17. Мастепанов А.М. О диверсификации экспортных поставок российского газа и восточной энергетической политике России // *Энергетическая политика*. Вып. 3, 2014. С. 35-42.
18. Мастепанов А.М. Особенности контракта века. Вариант диверсификации экспортных поставок российского газа // *НГ-ЭНЕРГИЯ*. Приложение к «Независимой газете». С. 12, 13. 14.10.2014 г.

19. Мастепанов А.М. Ресурсно-инновационное развитие в Энергетической стратегии России // Энергетическая политика, Вып. 2, 2014. С. 26-36.

20. Дмитриевский А.Н., Мастепанов А.М., Бушуев В.В. Ресурсно-инновационная стратегия развития экономики России // Вестник РАН, 2014, т. 84, № 10. С. 867-873.

21. Мастепанов А.М. Газогидраты: путь длиной в 250 лет (от лабораторных исследований до места в мировом энергетическом балансе). М.: Энергия, 2014. 272 с.

22. Мастепанов А.М. Какая энергетическая стратегия нужна России // Нефтегазовая вертикаль. № 17 (84), 2002. С. 9-12.

Поступила в редакцию
22.02.2015 г.

A. Mastepanov¹³

ENERGY COOPERATION IN NEW GEOPOLITICAL CONDITIONS: SOME ESTIMATIONS AND PROJECTIONS

The paper analyses the influence of geopolitical factor and big politics on energy policy of Russian Federation, EU, USA and leading countries of North-East Asia, describes their energy interaction and collaboration. The paper presents the role of technological development and new technologies in the development of these processes. The paper underlines the necessity of accelerated diversification of Russian oil and gas exports and priority development of production in the Russian east. The paper argues that in new geopolitical conditions mutually beneficial energy collaboration remains the leading way of energy problems solving and of granting energy security of Russia and its foreign counterparts.

Key words: energypolicy, energystrategy, geopoliticalfactor, globalization, sanctions, large energy projects, energy dialogue, new technologies, oil and gas sector, energy collaboration, Russia, EU, USA, China, Korea, Japan, North-East Asia.

¹³ Alexey M. Mastepanov – Deputy Director with Institute for Oil and Gas Problems RAS, member of the board of directors of Institute for Energy Strategy, Doctor of Economics, member of RAEN, e-mail: amastepanov@mail.ru;